

Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии

А. А. ШИКОВ – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России

В статье выдвигается гипотеза о том, что тюремная иерархия составляет основу преступной иерархии. Указанные явления не являются тождественными: тюремная иерархия включает в себя намного большее число подкатегорий, чем преступная. Важным качеством выступает изменчивость наименований каст при почти полной ригидности общих принципов социальной организации заключенных, обуславливающих существование в пенитенциарных учреждениях отлаженной системы неформального подчинения. Отмечается, что в условиях недостаточного практического опыта применения ст. 210.1 УК РФ, введенной в законодательство в апреле 2019 г., теоретическое осмысление вопросов занятия высшего положения в тюремной иерархии представляется актуальным и значимым. Автор приходит к выводу, что при определении принадлежности индивида к числу лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, следует руководствоваться не столько его субкультурным именованием (например, «вор в законе», «смотрящий», «положенец»), сколько оценкой характера совершаемых им действий, степени влияния на других осужденных, наличия устойчивых связей в уголовно-преступной среде и других отличительных криминологических признаков, указанных в ст. 210.1 УК РФ.

Ключевые слова: тюремная иерархия; высшее положение в преступной среде; места лишения свободы; пенитенциарные учреждения; лидер уголовно-преступной среды; вор в законе.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Шиков А. А. Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 3 (13), с. 81–85, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-81-85.

Problems of Defining the Taking Up of the Highest Position in the Prison Hierarchy

A. A. SHIKOV – senior lecturer of the Department of Intelligence-Gathering Activities, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of FSIN Russia

In the conditions of insufficient practical experience related to the application of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced into legislation in April 2019, the theoretical understanding of the issues of occupying the highest position in the prison hierarchy seems relevant and significant. The article puts forward the hypothesis that the prison hierarchy forms the basis of the criminal hierarchy. These phenomena are not identical: the prison hierarchy includes a much larger number of subcategories than the criminal one. An important quality of the prison hierarchy is the variability of the names of its castes, with almost complete rigidity of the general principles of the social organization of prisoners, which determine the existence of a well-established system of informal subordination in penitentiary institutions. We conclude that when determining an individual's belonging to those who occupy the highest position in the prison hierarchy, one should be guided not so much by their subcultural name (for example, «vor v zakone [code-bound thief]», «smotryashchii [alpha dog]», «polozhenets [mafia enforcer]»), as by an assessment of the nature of the actions they commit, the degree of influence on other convicts, the presence of stable connections in the criminal environment and other distinctive criminological signs specified in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: prison hierarchy; highest position in the criminal environment; correctional facility; penitentiary institutions; leader of the criminal environment; code-bound thief.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Shikov A. A. Problems of Defining the Taking Up of the Highest Position in the Prison Hierarchy. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 3 (13), pp. 81–85, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-81-85.

В настоящее время организованная преступность является одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Лидеры преступных сообществ – «воры в законе», «смотрящие» и «положенцы» – координируют подготовку и совершение правонарушений, насаждают неформальные воровские традиции в местах лишения свободы и за их пределами, предпринимают попытки устранить администрацию пенитенциарных учреждений от фактического управления осужденными в целях расширения сферы своего влияния и увеличения преступных доходов под предлогом пополнения общака.

В целях устранения неопределенности, связанной с уголовно-правовой оценкой общественной опасности занятия высшего положения в преступной иерархии, был принят федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ. Вводя в УК РФ термин «занятие высшего положения в преступной иерархии», законодатель не определил его содержательные границы, что объективно осложняет доказывание преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, так как диспозиция указанной нормы не содержит точного описания признаков высшей ступени в иерархической лестнице уголовно-преступной среды. Проведенное нами интервьюирование работников следственных органов показало, что расследование уголовных дел, возбужденных по ст. 210.1 УК РФ, требует понимания таких понятий, как «уголовно-преступная среда», «иерархическая лестница уголовно-преступной среды», «преступная иерархия» и др. Таким образом, в условиях недостаточного практического опыта применения указанной юридической нормы теоретическое осмысление вопросов занятия высшего положения в тюремной иерархии представляется актуальным и значимым.

Границы уголовно-преступной среды выходят далеко за пределы территории конкретных государств. Наиболее верно утверждать, что такой средой является совокупность людей, обладающих криминальным опытом. Уголовно-преступная среда неразрывно связана с местами принудительной изоляции от общества – следствен-

ными изоляторами и исправительными учреждениями, где наиболее плотно сосредоточены криминально активные лица, являющиеся носителями тюремной субкультуры, неотъемлемым элементом которой выступает криминальная стратификация.

В теории криминологии выработана единая научная концепция интерпретации явлений тюремной иерархии уголовно-преступной среды. Так, Ю. И. Блохин выделяет следующие четыре неформальные категории: осужденные, идентифицирующие себя с преступным миром («блатные»); осужденные, нейтрально относящиеся к преступному миру («мужики»); осужденные, отрицательно относящиеся к преступному миру («активисты»); осужденные, отвергнутые самим преступным миром («обиженные» и «опущенные»)¹. Например, Д. А. Корецкий и В. В. Тулегенов отмечают, что в местах лишения свободы в зависимости от модели поведения следует различать четыре субкультурные группы осужденных: отрицающие социальную изоляцию («блатных»), приспособившиеся к социальной изоляции («активисты»), смирившиеся с социальной изоляцией («мужики»), деперсонализованные в условиях социальной изоляции («отверженные»)².

Мы полагаем, что основой современной преступной иерархии выступает тюремная иерархия. Данные явления обладают отличиями, что ранее отмечалось в ряде публикаций. В частности, Ф. Р. Хисамутдинов и А. Е. Шалагин указывают, что иерархия преступников, находящихся в пенитенциарных учреждениях, выглядит несколько иной, чем у антисоциальных личностей на свободе. Так, в исправительных учреждениях содержатся: «воры в законе», «положенцы», «паханы», «стремящиеся», «бойцы», «быки», «мужики», «красные», «отверженные» и др.³ На свободе стратификация преступников, входящих в организованные преступные группы (сообщества), будет выглядеть по-иному (лидер, авторитет, бригадир, активный участник, участник).

Тюремная иерархия включает в себя намного большее число подкатегорий, в частности относящихся к низшей касте заклю-

ченых с пониженным социальным статусом. С. Ф. Самойлов указывает, например, что в общем виде группу обиженных можно представить следующим образом: «мама», или «главпетух» (лицо, распределяющее обязанности в данной касте и контактирующее с представителями других каст), «милки» (удовлетворяют сексуальные потребности отдельных криминальных авторитетов), «король всех мастей» (лица, практикующие все виды половых извращений)⁴. Освобождаясь из исправительных учреждений, такие лица, как правило, не участвуют в криминальной деятельности организованных преступных формирований, что обусловлено их особым неформальным статусом, хотя на практике значительное число «обиженных» являются преступниками-рецидивистами.

Тюремная иерархия характеризуется гибкостью, изменчивостью, подвижностью внешних форм ее существования (выражающихся в первую очередь в наименованиях каст – иерархических ступеней) и почти полной ригидностью общих принципов социальной организации, определяющих существование жесткой иерархической лестницы – системы подчиненности ее низших ступеней высшим. На протяжении всей истории Российского государства, сопровождающейся многочисленными социальными и политическими потрясениями, правовыми и экономическими реформами, идеологическими изменениями, тюремная среда всегда имела своих негласных лидеров. Элиту тюремного мира России во второй половине XIX в., его правящую верхушку составляли «иваны», происходившие из категории «бродяг» – наиболее профессиональной части преступного мира⁵. В XX в. появились и укрепили свое влияние сначала в местах лишения свободы, а потом и за их пределами «воры в законе».

Претерпела изменения, но не исчезла совсем более низшая каста – «шпана», «шпанка». В. М. Анисимов так описывает эту категорию каторжан: «"Шпана" – это стадо барашков... всех одного цвета, одинаковых и равных во всех отношениях... Дыша одним воздухом, питаюсь одинаковой пищей, нося одинаковое платье, ведя одинаковый образ жизни, думая о свободе, мечтая о прошлом и страшая будущего, все эти люди, постепенно, наподобие супругов, влияя друг на друга в тесном общении, наконец, делаются во многих отношениях похожими друг на друга»⁶. Сегодня в местах лишения свободы самая многочисленная неформальная общность осужденных – это «мужики», уклад

жизни которых почти шаблонно повторяет дореволюционную «шпанку».

Мы полагаем, что со временем существующие сегодня наименования каст тюремной иерархии изменятся, а потому позиция законодателя, не связывающего занятие высшего положения в преступной иерархии с названием какой-либо субкультурной группы, не кажется такой непродуманной. Интервьюирование работников пенитенциарных учреждений показало, что прагматичная верхушка уголовно-преступной среды утвердила «разрешение на ложь», разрешив «ворам в законе» публично уклоняться от ответа на вопрос об их неформальном привилегированном статусе.

Так кто же занимает высшее положение в тюремной иерархии? В. В. Бычков относит к числу его обладателей помимо «воров в законе» «положенцев» (лиц, имеющих право принимать решения в отсутствие «вора в законе» и от его имени), «смотрящих» (лиц, наделенных правом принимать решения по определенному направлению или сфере деятельности), держателей общака, а также «блатных» («авторитетов», «бродяг», «арестантов», «жуликов», «правильных», «босяков»)⁷. Схожего мнения придерживаются Д. А. Высоцкий, П. В. Дихтиевский, Б. Б. Казак, называя указанных лиц научным термином «лидеры и активные участники групп осужденных отрицательной направленности»⁸. Мы полагаем, что при определении принадлежности индивида к числу лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, следует руководствоваться не столько его субкультурным наименованием, сколько характером совершаемых им действий, степенью влияния на других осужденных, наличием устойчивых связей в уголовно-преступной среде и др.

Что же отличает верхушку тюремной иерархии от более низших звеньев? Очевидно, что лидеры групп отрицательной направленности обладают особыми личностными качествами, позволяющими осуществлять социальное управление в коллективах заключенных. Такие качества в совокупности с ярко выраженными криминальными установками позволяют приобрести авторитет, являющийся основным слагаемым «деловой» криминальной репутации. Неслучайно лидеров уголовно-преступной среды на тюремном жаргоне называют авторитетами.

Вторым признаком лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, является их приверженность неформальным нормам – воровскому закону, воспроизводству и насаждению криминальных традиций в

местах лишения свободы, а также осуществлению контроля за их соблюдением. Мы полагаем, что тюремные авторитеты выступают главным катализатором трансформации на первый взгляд кажущихся неизменными преступных правил поведения. Приведем яркий пример: в 30-е гг. XX в. «жиганы» всячески старались приспособить преступные традиции и обычаи прошлого к новым условиям. Они стали наделять эти нормы идеологическим содержанием, поскольку никак не хотели оставаться на одной ступени с традиционными преступниками. В свои противоправные традиции и обычаи они вносили положения, противодействующие нормам права и морали Советского государства⁹.

Третьим признаком лица, занимающего высшее положение в тюремной иерархии, выступает не только возможность, но и готовность применения мер воздействия к нарушителю криминальных традиций, неформальных норм и правил, сложившихся в арестантской среде.

Четвертым признаком можно назвать наличие практики общения в криминальной среде. Лица, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, выработали свои специфические формы социальной коммуникации. Не углубляясь в их описание, отметим, что обязанностью лиц отрицательной направленности, находящихся в местах лишения свободы, является поддержание связи друг с другом, где бы они не находились. Стремясь преодолеть изоляцию, обеспечиваемую персоналом пенитенциарных учреждений, заключенные решают исключительно практические задачи: координируют противоправные действия, ведут контрагентурную деятельность, противодействуют расследованию преступлений правоохранительными органами, обеспечивают снабжение друг друга материальными ресурсами и т. д. Лидеры уголовно-преступной среды, содержащиеся в местах лишения свободы, в повседневной деятельности создают большое число нелегальной переписки: от тюремных «глобусов» (схематичных изображений тюрем и следственных изоляторов) до «воровских прогонов» (посланий, содержащих предписания совершить какие-либо действия, адресованные большой массе заключенных), «курсовок» (писем информационного характера, описывающих какие-либо события либо явления, криминальную биографию отдельных лиц) и простых «маяв» (нелегальной переписки бытового содержания).

Пятый признак, характеризующий лиц, обладающих высшим положением в пре-

ступной иерархии, – выполнение организационно-распорядительных функций. На практике тюремные авторитеты создают группы отрицательной направленности, определяют их цели и задачи, вовлекают в них новых участников, то есть осуществляют руководство их деятельностью. Также лидеры занимаются распределением ролей между участниками группы, организацией связи между ее членами и с другими организованными группами (преступными сообществами или организациями), получением и распределением доходов от преступной деятельности организованной группы (преступного сообщества, преступной организации), формированием антисоциальных, преступных ценностей у членов организованной группы (преступного сообщества, преступной организации), принуждением к их исполнению, установлением и поддержанием коррупционных связей с представителями властных и правоохранительных структур для обеспечения деятельности группы или внедрением членов организованной группы (преступного сообщества, преступной организации) в государственные, в том числе правоохранительные, органы¹⁰.

Таким образом, к числу лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, следует относить подозреваемых, обвиняемых и осужденных, обладающих следующими криминологическими признаками: авторитетом среди участников какого-либо неформального объединения, существующего в местах лишения свободы; приверженностью криминальным традициям, неформальным нормам и правилам поведения, реальной возможностью обеспечить их соблюдение; включением в коммуникацию с иными лидерами криминальной среды, а также участниками групп отрицательной направленности, существующих в пенитенциарных учреждениях; выполнением организационно-распорядительных функций.

Мы полагаем, что расширение практики применения ст. 210.1 УК РФ путем возбуждения уголовных дел не только в отношении «воров в законе», но и других лиц отрицательной направленности, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, укрепит состояние законности и правопорядка в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, обеспечит наступательность в сфере борьбы с организованной преступностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Блохин Ю. И. Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 33.
- ² См.: Корецкий Д. А., Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб., 2006. С. 59–60.
- ³ См.: Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 4 (18). С. 54.
- ⁴ См.: Самойлов С. Ф. Социальная структура современной Российской криминальной субкультуры // Соц.-гуманитар. обозрение. 2014. № 4. С. 81.
- ⁵ См.: Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России : моногр. Рязань, 2012. С. 6.
- ⁶ Анисимков В. М. Тюремная община: «вехи» истории. М., 1993. С. 34.
- ⁷ См.: Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестн. Акад. Следств. комитета Рос. Федерации. 2019. № 3 (21). С. 26–31.
- ⁸ См.: Высоцкий Д. А., Дихтиевский П. В., Казак Б. Б. Противодействие лидерам и активным участникам групп осужденных отрицательной направленности при раскрытии преступлений // Юрид. мысль. 2019. № 2–3 (112–113). С. 108.
- ⁹ См.: Корецкий Д. А., Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. С. 44.
- ¹⁰ См.: Кутуков С. А. О совершенствовании профилактического учета в исправительных учреждениях // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников : в 8 т. Рязань, 2017. Т. 2. Материалы международ. науч.-практ. конф. С. 172–175.

- ¹ Sm.: Bloxin Yu. I. Organizacionno-pravovy'e mery` nejtralizacii negativnogo vliyaniya grupp osuzhdenny'x otriczatel'noj napravlenosti v tyur'max : dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 1999. S. 33.
- ² Sm.: Koreczkij D. A., Tulegenov V. V. Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie. SPb., 2006. S. 59–60.
- ³ Sm.: Xisamutdinov F. R., Shalagin A. E. Osobennosti preduprezhdeniya professional'noj i recidivnoj prestupnosti (istoriya i sovremennost') // Vestn. Kazan. jurid. in-ta MVD Rossii. 2014. № 4 (18). S. 54.
- ⁴ Sm.: Samojlov S. F. Social'naya struktura sovremennoj Rossijskoj kriminal'noj subkul'tury' // Socz.-gumanitar. obozrenie. 2014. № 4. S. 81.
- ⁵ Sm.: Kutyakin S. A. Organizaciya protivodejstviya kriminal'noj oppozicii v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme Rossii : monogr. Ryazan', 2012. S. 6.
- ⁶ Anisimkov V. M. Tyuremnaya obshhina: «vexi» istorii. M., 1993. S. 34.
- ⁷ Sm.: By'chkov V. V. Ugolovno-pravovaya xarakteristika vy'sshhego polozheniya v prestupnoj ierarxii (stat'ya 210.1 UK RF) // Vestn. Akad. Sledstv. komiteta Ros. Federacii. 2019. № 3 (21). S. 26–31.
- ⁸ Sm.: Vy'soczkiy D. A., Dixtievskij P. V., Kazak B. B. Protivodejstvie lideram i aktivny'm uchastnikam grupp osuzhdenny'x otriczatel'noj napravlenosti pri raskry'tii prestuplenij // Yurid. my'sl'. 2019. № 2–3 (112–113). S. 108.
- ⁹ Sm.: Koreczkij D. A., Tulegenov V. V. Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie. S. 44.
- ¹⁰ Sm.: Kutukov S. A. O sovershenstvovanii profilakticheskogo ucheta v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax // III Mezhdunarodny'j penitenciarny'j forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii) : sb. tez. vy'stup. i dokl. uchastnikov : v 8 t. Ryazan', 2017. T. 2. Materialy` mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. S. 172–175.